

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт славяноведения Российской академии наук
(ИСл РАН)

Отдел славянского языкознания

Научный доклад

БОРИСОВА Сергея Александровича, очного аспиранта ИСл РАН,
обучающегося по направлению подготовки 45.06.01 Языкознание и
литературоведение, специализации (профилю) «Славянские языки»

об основных результатах подготовленной научно-квалификационной работы
(диссертации) на тему
«Языковая ситуация у чехов в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии»

Научный руководитель:
Пилипенко Глеб Петрович,
к.ф.н., с.н.с. РАН

Москва
2021

Представляемая научно-квалификационная работа посвящена исследованию актуальной языковой ситуации у чехов в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии. Речь идет о потомках переселенцев из Чехии и Моравии, с середины XIX в. массово прибывавших в пограничные с Османской империей регионы Австрии в рамках политики двора, направленной на реколонизацию отвоеванных территорий. Для обследования были выбраны языковые ситуации в этих трех странах, так как в них чешский язык находится в окружении литературных и диалектных вариантов сербского/хорватского языка, что позволило выделить сходства и различия результатов типологически сходных контактных процессов.

Таким образом, **объектом** исследования являются идиомы боснийских (БЧ), сербских (СЧ) и хорватских чехов (ХЧ), используемые ими в повседневном общении. **Предмет** изучения – контактные явления в речи информантов, их фонетические, лексические, грамматические характеристики, а также особенности их функционирования.

В работе используются комплексные междисциплинарные **методы**: сравнительный анализ, структурный анализ, метод интервьюирования информантов. В ходе работы была разработана методика опроса информанта (полуструктурированное интервью), систематизации данных, работы с полученным лингвистическим материалом (составление транскрипции, вычленение контактных явлений). **Материалом** для исследования послужили нарративы, записанные от информантов в ходе проведения собственной полевой работы в Боснии и Герцеговине, Хорватии, Сербии в 2019 г., а также нарративы из архива записей экспедиций сербских исследователей 2013–2015 гг. к чехам в Боснию и Герцеговину, Сербию.

Актуальность исследования обусловлена возросшим за последние два десятилетия интересом лингвистов к изучению языковых ситуаций и билингвизма во всем мире, а также интересом представителей других гуманитарных наук к вопросам сохранения национальной и культурной

идентичности у национальных меньшинств (А.Н. Соболев, Д.В. Конёр, Б. Сикимич, С.С. Скорвид, Н.Е. Ананьева, А.А. Плотникова, М.М. Макарец, Г.П. Пилипенко и др.). Кроме того, до сих пор не существует детальных исследований, которые бы комплексно описывали языковую ситуацию у чешского населения в сербском/хорватском языковом окружении в указанных трех странах.

Научная новизна исследования заключается в попытке рассмотреть обширную языковую ситуацию, выходящую за рамки изучения чешской общины лишь в одной стране. Существующие работы по данной проблематике концентрируются в основном на изучении одной языковой ситуации (П. Янчак, С. Попович, Д. Миркович, С. Утешены и др.). Комплексное исследование, тем не менее, возможно в силу общности истории данных переселений, социального состава колонистов, типологической общности языковых контактов. Однако различия в степени поддержки языка меньшинства со стороны государства, условий получения образования на чешском языке, факторов сохранения каждой из рассматриваемых миноритарных общин, особенно обострившиеся после распада Югославии, позволяют проанализировать различия между тремя языковыми ситуациями, существующие на сегодняшний день. Кроме того, изучение данной языковой ситуации впервые проводится «внешним» исследователем, не являющимся носителем ни языка меньшинства, ни языка окружения.

Цель исследования состоит в изучении языковой ситуации, наблюдаемой у этнических чехов в населенных пунктах в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии с точки зрения функционирования различных идиомов в окружении близкородственных сербского и хорватского языков, а также описание, фонетических, лексических и грамматических контактных особенностей этих идиомов.

В соответствии с поставленной целью были сформулированы следующие **задачи**:

1. Проанализировать существующую литературу, посвященную чешским идиомам в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии.
2. Выделить для каждой исследуемой области контактные элементы, возникшие под влиянием сербского/хорватского языка.
3. Выявить закономерности функционирования явлений, возникших под влиянием доминантного языка окружения, в речи информантов.
4. Выявить отношение информантов к использованию литературного чешского языка и к контактными явлениям: субъективная оценка, автокоррекция, игнорирование.

Исследование проводилось в русле контактной лингвистики с применением комплексных лингвистических и социолингвистических методов.

Общетеоретическую основу исследования составляют труды отечественных и зарубежных лингвистов, посвященные вопросам типологии языковых ситуаций, проблемам билингвизма, интерференции, переключения кодов, метаязыкового комментирования (Л.Б. Никольский, В.И. Беликов, Л.П. Крысин, Дж. Гамперц, Ч. Фергюсон, У. Вайнрайх, Ч. Нилеп, П. Ауэр, К. Майерс-Скоттон, Дж. Фершуэрен и др.). При изучении непосредственно языковых ситуаций в чешских общинах на Балканах использовались исследования авторов, работавших над данной проблематикой в XX в., а также современные работы (Ф. Буриан, Я. Белич, С. Утешены, С. Попович, Д. Миркович, П. Янчак, Г. Чипля, М. Согрова, Г. Страникова, Т. Штохлова), привлекались также культурологические исследования, посвященные чешским меньшинствам (П. Кокаисл, З. Угерек, Д. Гэче, М. Якоубек).

Материал для исследования составляют записи нарративов на чешском языке, сделанные в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии, и их расшифровки. Большая часть материала была собрана во время экспедиций в Хорватию (май 2019 г.), в Сербию и Боснию и Герцеговину (сентябрь 2019 г.), вторую часть составляет архив неправительственной организации «Школа-

плюс им. Досифея Обрадовича» (Бела-Црква, Сербия). Общее количество информантов составляет 88 человек, общий объем записей составляет 87 часов. Собранный материал сопоставляется с результатами исследований, посвященных языковым контактам идиомов боснийских, сербских и хорватских чехов с сербским/хорватским языком окружения (С. Попович, С. Утешены, Д. Миркович).

Апробация работы. Наблюдения и основные результаты исследования, отраженные в НКР, а также планируемые для включения в диссертацию, были доложены на 10 научных конференциях, 4 из которых были международными: 1) «XLVIII Международная филологическая научная конференция» (Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, 18–27 марта 2019 г.); 2) «Славянский мир: общность и многообразие» (ИСл РАН, Москва, 21–22 мая 2019 г.); 3) «Формы коллективной самоорганизации в культурно смешанных сообществах: инициатива, сотрудничество, сопротивление» (ИСл РАН, Москва, 5–6 ноября 2019 г.); 4) «Доминанты сербской культуры. Первая научно-практическая школа сербистики» (Филологический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Красновидово, 8–13 ноября 2019 г.); 5) «Круглый стол по диалектологии XXIII» (ИСл РАН, Москва, 16–17 июня 2020 г.); 6) «Славянский мир: общность и многообразие» (Институт славяноведения РАН, Москва, 13–14 октября 2020 г.); 7) «Полевые этнолингвистические исследования славянских архаических ареалов (сезон 2019–2020)» (Институт славяноведения РАН, Москва, 27 октября 2020 г.); 8) «Балканские чтения — 16: “Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание”» (Институт славяноведения РАН, Москва, 20–21 апреля 2021 г.); 9) «Migracije i identitet: kultura, ekonomija, država (2)» (Institut za migracije i narodnosti, Загреб, Хорватия, 19–20 мая 2021 г.); 10) «Language Contact in Times of Globalization» (Universität Klagenfurt, Клагенфурт, Австрия, 9–10 сентября 2021 г.). Основные положения НКР отражены в 11 публикациях.

Структура НКР. Работа состоит из введения, 6 глав, заключения и списка литературы. В трех приложениях приведены отрывки нарративов из

трех рассматриваемых стран, четвертое приложение содержит список информантов, отрывки из интервью с которыми вошли в НКР.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** определяются объект, предмет, цели и задачи, методы исследования, раскрываются его актуальность и научная новизна.

В **первой** главе дан краткий обзор теоретических предпосылок исследования – определены основополагающие для НКР понятия «языковая ситуация» и «переключение кодов». Данные термины до сих пор не имеют однозначного толкования, и разные исследователи вкладывают в них разное содержание. Понятие «языковой ситуации» разрабатывали такие лингвисты, как Дж. Гамперц, Ч. Фергюсон, Л.Б. Никольский. Гамперц рассматривал языковую ситуацию в контексте использования членами языкового коллектива различных вариантов одного языка, ввел в научный оборот такие важные понятия, как «отношение к языковому выбору» и «языковая лояльность». Фергюсон употреблял данный термин, говоря о том, в какой степени и в каких ситуациях употребляются разные языки в тех ареалах, где многоязычие является обычной ситуацией, обращая внимание также на то, какого мнения придерживаются члены данного коллектива о том или ином языке. Никольский рассматривал языковую ситуацию, прежде всего, как функциональное соотношение различных форм одного и того же языка в одном языковом сообществе, однако позднее начал также учитывать фактор использования других языков представителями того же сообщества. С разработкой понятия «переключение кодов» (code switching) связаны имена таких ученых, как У. Вайнрайх, Я.-П. Блум, Дж. Гамперц, Ч. Нилеп, П. Ауэр, К. Майерс-Скоттон. Гамперц на материале исследований, проведенных им в Индии и Норвегии, рассматривал переключение кодов в связи с вопросом контекстуализации, а также доказал, что наблюдаемый у говорящих переход с одного варианта языка на другой, а также переключения между разными языками «обусловлены социальными факторами». Современные

исследователи, как правило используют термин «переключение кодов» при описании ситуаций, когда говорящие используют более одного языка в рамках одного речевого акта.

Во **второй** главе приведен подробный обзор существующих исследований чешских меньшинств в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии. Акцент делается на обзоре лингвистических публикаций, однако упомянуты также работы, посвященные истории переселений чехов на Балканы и их быту на новой территории. Миграции чехов в районы Славонской и Банатской военной границы относятся к середине XIX в., в Боснию и Герцеговину – к концу XIX – нач. XX в. Первые исследования изменений в языке переселенцев были проведены уже в 20-х гг. XX в.: одна из первых статей на эту тему была опубликована в журнале «*Naše zahraničí*» («Наше зарубежье») в 1929 г. Ее автор Ф. Буриан родился в Чехии, однако с 12 лет жил и учился среди чехов в Хорватии, а позже работал в учебных заведениях Славонии. В статье дается характеристика диалектной основы местного идиома: хотя колонисты приезжали по большей части из удаленных от центра областей Чехии, а также из Моравии, встретившись за границей, они стали использовать общепонятное центрально-чешское наречие, наиболее близкое к литературному языку. Также в своей статье он разрабатывает контактную проблематику, описывает лексические и морфологические заимствования из языка окружения, случаи межъязыковой интерференции, межъязыковой омонимии. Буриан замечает, что чехи из Дарувара в случае заимствования из языка окружения омонимичных лексем употребляют их со значением из хорватского/сербского языка, но облачают их в чешскую фонетическую форму. Так, например, хорватская/сербская лексема *knez* («сельский староста») заимствовалась в форме *kněz*. Во избежание путаницы, это слово перестало использоваться в своем оригинальном значении из чешского языка («священник»), а собственно священника начали называть *pap*. Вторую группу заимствований составляют неадаптированные хорватские/сербские лексем. Они, по наблюдениям Буриана, встречаются в

тех сферах жизни, в которых колонисты были вынуждены больше всего контактировать с местными жителями. Речь идет о словах, обозначающих различные сельскохозяйственные работы, выращиваемые культуры, орудия труда, а также, вероятно, об административных терминах. Также Буриан впервые в рамках изучения чешско-сербских/хорватских контактов обращает внимание на проявление металингвистического сознания говорящих, которые иногда маркируют употребление заимствованных лексем такими фразами, как *jak tady u nás říkají...* («как здесь у нас говорят...»), *jak se to po chorvátsku řekne...* («как это по-хорватски говорят...»).

Пик интереса исследователей к непосредственно языковой ситуации в чешских общинах на Балканах пришелся на период с конца 1950-х по 1970-е гг. В начале 1960-х гг. в ходе изучения чешских переселенческих говоров на Балканах в рамках работы над Чешским языковым атласом С. Утешены предпринял несколько экспедиций в румынскую (села Гырник (Gârnic), Сфынта-Елена (Sfânta Elena), Эйбенталь (Eibenthal), Бая-Нойэ (Baia Nouă), Бигэр (Bigăr)) и сербскую (город Бела-Црква (Bela-Crkva), села Крушчица (Kruščica), Чешко-Село (Češko Selo)) части Баната. В вышедшей по результатам экспедиции в Сербию статье исследователь сосредотачивается на характеристике говора жителей Крушчицы, однако делает также и общие выводы о языковой ситуации у чехов в данном регионе. Утешены выделяет, в первую очередь, влияние сербского языка на характер ударения. Сербское ударение, утверждает он, «с одной стороны, гораздо сильнее, чем чешское, а с другой – не фиксировано на определенном слоге», поэтому в речи чехов встречается ударение не только на первом слоге, но и на предпоследнем, и на третьем от конца слоге (напр. *ne/vjesta*, *že|ňixovo*). Под влиянием языка окружения безударными становятся также слоговые предлоги и приставки (как и в сербском, ударение «перемещается» соответственно на полнозначное слово или корень). Далее он отмечает такие контактные явления в фонетике, как смягченное произношение аффрикат *dž'* и *č'* в позиции перед гласными переднего ряда вместо палатализованных *d'* и *t'*, т.к. такое смягчение не

характерно для сербского языка (напр. *d'et'i* > *džeči*, *okit'it* > *okičit*); сокращение употребления фонемы *ř*, вместо которой в идиоме чехов Крушчицы перед *i* и *e* произносятся шипящие *ž* и *š*, либо «разложенные» варианты *rž* и *rš*, а в заимствованных словах – *r*. Также под влиянием заимствованных слов в данном идиоме появляется *o*- в начале слова, что не характерно для собственно-чешских диалектов. Больше всего лексических заимствований, по наблюдениям Утешены, приходится на существительные. К ним относятся слова, обозначающие объекты природного мира и повседневного быта (напр. *pustara* «пустыня», *šuma* «лес», *gorňak* «человек с севера», *tvrđava* «крепость»), термины из области сельского хозяйства (напр. *lôza* «виноградная лоза», *másta* «[виноградный] сок», *tuluzina* «кукурузная солома»), обозначения людей по уровню взаимоотношений, роду деятельности (напр. *komšija* «сосед», *poznatej* «знакомый», *avijatičar* «летчик»). Среди особенностей синтаксиса он выделяет распространенное употребление союза *da* в конструкциях, выражающих значение цели (напр. *pojte da vidíte* «идите и посмотрите»), в модальных конструкциях типа *lepši da ňikam nejel* «лучше бы он никуда не ездил», в конструкциях со значением отрицательного условия (напр. *da není prskano, ňic bi nebilo platní* «Если бы не было опрыскано [от вредителей], ничего бы не получилось»). Заимствованные элементы *dali*, *dal* выполняют функцию непрямого вопроса (напр. *nevím, dali je to správně* «Не знаю, правильно ли это»). Среди контактных особенностей синтаксиса С. Утешены выделяет также конструкции с дательным падежом личных местоимений в притяжательной функции (напр. *zet mi je kapítan* «мой зять – капитан»).

В 1968 г. под грифом Филологического факультета Белградского университета вышли две монографии о языковых ситуациях у чехов в Югославии. Д. Миркович опубликовал результаты исследования чешских говоров в Славонии. С. Попович описала и проанализировала чешский идиом в двух селах на северо-западе Боснии и Герцеговины: Нова-Вес и Мачино-Брдо. Д. Миркович подробно анализирует влияние языка окружения на

чешские говоры местной общины (г. Дарувар и села, расположенные рядом). Фонетическая система, по мнению исследователя, остается мало подверженной влиянию сербохорватского языка. Среди наблюдающихся сдвигов в системе согласных звуков он выделяет: изменение артикуляции гортанного *h* и перехода его в *x*; переход звонкого *ř* в *ž*; замена мягкого *t'* сербохорватским *ć*; отождествление чешского *č* с сербохорватским *ć*; в свою очередь упрощение в заимствованных из сербохорватского противопоставления *č–ć*. В речи хорватских чехов наблюдается сокращение гласных, прежде всего, *í, ú*, реже *á*. Морфологическая система местного чешского идиома, по наблюдениям Мирковича, также не слишком подвержена влиянию сербохорватского языка. Наиболее сильное влияние сербохорватского языка он зафиксировал на лексическом уровне. Пополнение лексического фонда языка хорватских чехов происходит несколькими способами: 1) в ограниченном количестве – средствами собственного словообразования, с помощью чешских основ и аффиксов; 2) путем расширения значения существующих чешских лексем под влиянием соответствующих сербохорватских слов; 3) словообразование с использованием средств обоих языков (напр. сербохорватской основы и чешского аффикса или наоборот, с помощью замены префикса); 4) калькирование сербохорватских слов и словосочетаний; 5) заимствование сербохорватских лексем без их адаптации. В области синтаксиса исследователь отмечает ограниченное влияние языка окружения. Он выделяет замену кондициональных конструкций типа *kdyby* конструкциями с *da* (напр. *Da toho bilo víc, tag bisme to nemohli vopsloužit* «Если бы этого было больше, мы бы не смогли это обслужить» (ср. чешск. *Kdyby toho bylo víc...*). Также автор отмечает случаи трансформации синтаксических связей по сербохорватскому образцу: при согласовании существительных с числительными от 1 до 4, при использовании заимствованных предлогов (напр. *pro* с accusativом и *za* с accusativом), под влиянием сходных по смыслу сербохорватских глаголов (напр. *žánej se vo tom nestará* вместо *žánej se vo to*

nestará «никто об этом не заботится», по аналогии сербохорватск. *niko se o tome ne brine*). Наблюдается замена возвратной частицы *si* частицей *se* (напр. *sedñi se* вместо *sedñi si* «сядь»).

С. Попович проводила исследование в чешских селах Нова-Вес вблизи населенного пункта Босански-Кобаш и Мачино-Брдо вблизи города Прнявор (Босния и Герцеговина). Она пришла к выводу, что в результате столкновения диалектных вариантов чешского языка исчезли остатки старой фонетической системы, которые сохраняются в северо-восточных и юго-западных говорах Чехии и в переходном моравско-словацком поясе, а также утратилась новая система ганацкого вокализма. Фонетическая система упростилась: система вокализма свелась к центрально-чешскому типу, а система консонантизма – к переходному чешско-ганацкому типу. Сравнивая процессы фонологических изменений в идиоме переселенцев и в современных чешских говорах, она делает следующие выводы: 1) система вокализма стала развиваться в направлении обратном тому, которое можно было наблюдать в центральной Чехии: у боснийских чехов краткий *a* становится более открытым, а другие гласные – более закрытыми, тогда как в центрально-чешских говорах краткий *a* становится более закрытым, а другие гласные – более открытыми; 2) сокращается долгота гласных (долгие гласные в чешском языке по своей природе являются более долгими, чем в сербохорватском) даже в тех позициях, где она сохраняется в говорах Чехии; 3) артикуляция чешских согласных *ch*, *h* приближается к артикуляции сербохорватского звука *x*, что приводит к размыванию фонологического различия между звуками *ch* и *h*; в говорах Чехии не наблюдаются процессы изменения звука *ch*, тогда как в идиоме боснийских чехов ослабляется его фрикативность; 4) продолжается процесс депалатализации согласных *č*, *ž*, *š*; однако в Мачино-Брдо наблюдается и обратный процесс: *č* смягчается и переходит в *ć*.

В **третьей** главе описаны особенности расселения чехов на территории современных Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии, которые важны для понимания специфики сформировавшихся языковых ситуаций. Приведены

данные последних переписей населения, а также дана краткая историческая справка по каждой из трех стран.

3.1 По данным переписи населения, проводившейся в **Сербии** в 2011 г., к чешскому этносу себя относили 1824 человека, а своим родным чешский язык называли 810 человек. Чехи проживают главным образом в автономном крае Воеводина, большая часть (более 1/3 всех чехов в Сербии) – в общине Бела-Црква (644 чел.), где они составляют 3,7 % населения, а чешский язык имеет статус официального. Речь идет о самом городе Бела-Црква, селах Крушчица (Kruščica), Чешко-Село (Češko Selo). В Белграде к чехам себя относят 307 человек, также более сотни чехов было переписано в городах Ковин (Kovin), Вршац (Vršac) и Нови-Сад (Novi Sad). Этнический состав автономного края Воеводина отличается большим разнообразием. Так, в непосредственной близости от чешских сел находятся румынские села, например Куштиль (Kuštij), Войводинци (Vojvodinci), Стража (Straža) (румыны составляют более 80 % населения в каждом из них), населенные пункты, где большинство составляют венгры: Добричево (Dobričevo), Шушара (Šušara), практически во всех населенных пунктах вокруг чешских сел, а также в самих Крушчице и Чешко-Село присутствует определенная доля цыганского населения. Кроме того, немцы, поселившиеся на территории Воеводины в конце XVIII в., оставались крупной этнической группой вплоть до Второй мировой войны.

3.2 По данным переписи населения 2011 г. в **Хорватии** проживает 9641 чел., относящих себя к чешскому этносу. Из них 6287 чел. в Бьеловарско-Билогорской жупании, 649 в Пожегско-Славонской жупании, 578 в Сисакско-Мославинской жупании, 319 в Осиекско-Бараньской жупании. При этом 6292 чел. назвали чешский родным языком.

Город Дарувар (Бьеловарско-Билогорская жупания) фактически является административным и культурным центром чешского национального меньшинства в Хорватии. В городе расположена резиденция Представителя

чешского и словацкого меньшинств в Парламенте Республики Хорватии, действует Союз чехов в Хорватии (Savez Čeha u Republici Hrvatskoj/Svaz Čechů v Republice Chorvatsku). При Союзе чехов функционирует издательство «Jednota» (чеш. «Единство»), выпускающее одноименный еженедельник о жизни общины, журнал для детей «Dětský koutek» (чеш. «Детский уголок»), а также научную литературу местных авторов. В Хорватии существуют две чешские школы, при них работают чешские детские сады: в Даруваре и в селе Кончаница (10 км от города). Функционируют театральные и музыкальные коллективы, проводятся фольклорные фестивали, организуются различные кружки.

3.3 По данным переписи населения 2013 г., в Республике Сербской (Босния и Герцеговина) проживает 218 чехов, а своим родным чешский язык считают 56 человек. Можно проследить следующее распределение по общинам и городам, где проживает более десятка чехов: Баня-Лука (9/47¹), Градишка (2/18), Приедор (10/57), Прнявор (14/46), Србац (12/17). Причина такого распределения заключается в том, что чешский как язык повседневного общения сохраняется только в трех чешских сообществах в населенных пунктах Приедор, Мачино-Брдо (община Прнявор) и Нова-Вес (община Србац). В Баня-Луке существует Совет национальных меньшинств Республики Сербской — общественная организация, занимающаяся вопросами сохранения языка и культуры 12 миноритарных сообществ региона. Мероприятия, проводимые Советом и отдельными чешскими беседами, привлекают внимание не только представителей меньшинства, но и других жителей данных общин.

В **четвертой** главе дана характеристика материала исследования: перечень населенных пунктов, где проводились интервью, их длительность, количество информантов, их возраст. Также перечислены основные темы бесед.

¹ В скобках указано количество человек с родным чешским по отношению к количеству всех чехов, проживающих в данном регионе.

В **Боснии и Герцеговине** в 2019 г. было записано 13 часов интервью с 16 информантами в следующих населенных пунктах: города Баня-Лука, Приедор, Прнявор, сёла Мачино-Брдо, Лужани в общине Прнявор; Нова-Вес в общине Србац. Возраст информантов – от 25 до 87 лет.

В **Сербии** в 2013–2015 г. коллективом «Школы-плюс им. Досифея Обрадовича» было записано 17 часов интервью с 33 собеседниками. Были охвачены населенные пункты Бела-Црква, Вршац, Крушчица, Гай, Чешко-Село. Наше полевое исследование в Сербии проходило с 9 по 12 сентября 2019 г. Работа велась в населенных пунктах Бела-Црква, Крушчица, Чешко-Село, Вршац, записано около 20 часов интервью с 15 собеседниками. Возраст информантов – от 37 до 82 лет.

Экспедиция в **Хорватию** состоялась в мае 2019 г. Были обследованы следующие населенные пункты: Дарувар, Иваново-Село, Шибовац, Кончаница, Треглава, Рашеница, Грубишно-Поле, Растовац (Бьеловарско-Билогорская жупания). В общей сложности было записано около 37 часов интервью с 25 информантами. Возраст информантов – от 29 до 85 лет.

Интервью были полуструктурированными, проводились в форме свободной беседы, когда исследователь не прерывает информанта, но реагирует на повествование, задавая уточняющие вопросы или вопросы, позволяющие перейти к следующей интересующей его теме. Конкретные лексемы и формы уточнялись по ходу беседы.

Основные темы интервью были следующие:

1. история чешского переселения на территории современных Боснии и Герцеговины / Сербии / Хорватии,
2. особенности ведения сельского хозяйства в XIX–XX вв. и сегодня,
3. образование,
4. спорт, детские игры,
5. сохранение чешских традиций в данном регионе,
6. восприятие Чешской республики как исторической родины,

7. чешский язык в Боснии и Герцеговине / Сербии / Хорватии и изучение сербского / хорватского языка.

В **пятой** главе рассматриваются контактные явления в идиомах чехов Боснии и Герцеговины, Сербии, Хорватии на фонетическом (5.1), лексическом (5.2), морфологическом (5.3) и синтаксическом (5.4) уровнях.

5.1.1 Одной из характерных черт в **фонетике** идиома сербских чехов является произношение перед гласными переднего ряда аффрикат [tɛ] и [dʒ] (*xč'eli*, *dž'elali*, *xič'ili*, *xodž'ili* вместо палатализованных [t'] и [d'] (*xt'eli* «хотели», *d'elali* «делали», *xit'ili* «поймали», *xod'ili* «ходили»). Хотя речь идет о сербском/хорватском языке окружения, подобная ассибиляция не выделяется в работах, посвященных чехам в Боснии и Герцеговине и чехам в Хорватии. В чешских переселенческих говорах Кавказа и Сибири также отмечается стандартное противопоставление *t-t'*, *d-d'*. С. Утешены отмечает, что ассибиляция отсутствует и в идиоме румынских чехов несмотря на наличие ее в банатских говорах румынского языка

5.1.2 В речи сербских чехов редко встречается произношение глухого и звонкого вариантов фонемы *ř*. На их месте в большинстве случаев фиксируется произношение [š] и [ž], а также сочетаний [rš] и [rž]: *pšitahlo* «привлекло», *tši* «три», *pšeci* «предки», *žemželo* «умерло», *katežinskej* «екатерининский, на день св. Екатерины», *ržekne* «скажет». Процесс утраты фонемы *ř*, судя по всему, находится в завершающей стадии, поскольку С. Утешены в статье 1970 г. указывал на то, что «у молодого поколения *ř* сегодня начинает утрачивать свою вибрацию и переходит в *ž*, *š*, иногда раскладывается в *rž*, *rš*». В существующих работах, посвященных чехам в Хорватии, Боснии, на Северном Кавказе и в Сибири данная замена не обнаружена: во всех транскрипциях указывается чешский вибрант *ř*. Тем не менее, нами было отмечено сходное явление в речи чехов в Румынии, а также в Боснии и Герцеговине.

5.1.3 К контактным явлениям в фонетике также было отнесено сокращение долгих гласных, которое наблюдается у всех информантов практически во всех корнях и флексиях. С другой стороны, возникают, наоборот, вторичные долгие гласные, отсутствующие в чешских диалектах. Приведем примеры вторичного удлинения гласных из нашего корпуса: *tam je d $\acute{o$ le* (dole) *Plowa, neš co šlo tam tadi ma d $\acute{o$ lu* (dolů) *pa se do Brestova*.

5.2 Лексические заимствования в чешских идиомах рассматривались в двух группах: «культурные» заимствования (5.2.1), к которым относится лексика, обозначающая понятия, которые отсутствуют в языке-реципиенте и «ядерные» заимствования (5.2.2), которые дублируют уже существующие в нем слова. «Культурные» заимствования были далее расклассифицированы по лексико-семантическому признаку, а «ядерные» – по частям речи и по функциям, которые эти лексемы выполняют в речи.

«Культурные» заимствования были объединены в следующие группы:

5.2.1.1 Сфера образования, науки

ve osnovni ‘в основной/начальной (школе)’, *područna škola* ‘местная (сельская) школа’, *matična škola* ‘основное здание школы’, *fakultet* ‘факультет’, *do razredu* ‘в класс’, *učionica* ‘классная комната’, *razrednice* ‘классный руководитель’, *nastavnici* ‘преподаватели’, *držel nastavu* ‘вел занятие’, *předavan’i/pšedavan’i* ‘занятие, лекция’, *predmet* ‘предмет’, *istraživan’e* ‘исследование’, *vjeronauk* ‘закон Божий’.

5.2.1.2 Термины, связанные с описанием языковых особенностей

naglasak ‘ударение, акцент’, *kn’iževni* ‘литературный’, *ijekavica* ‘иекавица’, *ikavica* ‘икавица’, *kajkafski* ‘кайкавский’.

5.2.1.3 Сфера общественной жизни

а) Административные термины, названия учреждений

pod općinu, na vorćin’e, opština, ve opštin’i ‘община/здание райцентра’, *općinsko, župan’ijsko* ‘областной, районный’, *država* ‘государство’, *ma’n’ina* ‘меньшинство’, *mjesnej ured* ‘загс’, *ispostava* ‘филиал’.

б) Трудовые отношения

dostal mirovinu ‘получил пенсию, вышел на пенсию’, на *mirovin’e* ‘на пенсии’, *stáž* ‘стаж’, *nemam an’i rok iskustva* ‘у меня нет и года опыта работы’

в) Магазины

trhovina, f *trhovin’e* ‘магазин’, *trhovina pol’oprivredn’i* ‘магазин сад и огород’, *z dućanu*, v *dućan’e* ‘магазин, лавка’

г) Медицина

porodilišt’e ‘роддом’, *dostal frasi* ‘судорога’

д) Праздники и досуг

skije, *tex skijaku* ‘лыжи’, *z lop’tama* ‘мяч’, *valcel* ‘вальс’, *ča’janka*, *ča’janki* ‘чаепитие’

е) Общественно-политические процессы

vod ratu ‘война’, *v druhim sjetskim rat’e* ‘Вторая мировая война’, *komunizam* ‘коммунизм’

5.2.1.4 Сфера сельского хозяйства

а) Названия растений

lešn’iki ‘лещина’, *suncokret* ‘подсолнечник’, *paradajz* ‘томат’, *patuk* ‘хлопок’, *bádel* ‘чертополох’

б) Названия орудий труда и сельскохозяйственной техники

u teho dreša (часть молотилки), *na ti vršelice* ‘молотилка’

5.2.1.5 Названия жилищ

s ti katn’ice, *tej ta katn’ice* ‘двухэтажный дом’, *mn’eli i ze’tunice* ‘землянка’

5.2.1.6 Транспорт

višnica ‘фуникулер’, *biciklema* ‘велосипед’, *čámset* ‘лодка’, *kompa*, *skela* ‘паром’, *sajla*, *sajle* ‘трос (для паромной переправы)’

5.2.1.7 Заимствованные топонимы

ze Zagrebu, aš vod Karlowce ali Gorskiho Kotaru, ve Ivanovim Selu, do Slavonskiho Brodu

5.2.1.8 Этнонимы

čexin'e 'чешка', srbin 'серб', mn'ela majku pol'akin'u 'полька', pod uticajem talijanu 'итальянец'

«Ядерные» заимствования были объединены в следующие группы:

5.2.2.1 Дискурсивные маркеры

ta, pa 'ну', baš 'именно, вот', makar, barem, bar 'хоть, хотя бы', onda 'тогда, потом', u biti 'на самом деле', ajde 'давай', nema veze 'не важно'

5.2.2.2 Существительные

poslast'ica 'сладость', praznik 'праздник', stolice 'стул', jastuk 'подушка', van'kuš 'подушка (от венг. vánkös [Sekereš 1966: 286])', kuća 'дом', plac '(деревенская) площадь', brijeg 'холм', unuk 'внук', familija 'семья'

5.2.2.3 Прилагательные

poznata 'известная', vožen'enej 'женатый', ispravni 'правильный', bivši 'бывший'

5.2.2.4 Глаголы

objasn'il 'объяснить', ponud'ila 'предложить', nastaf'te 'продолжить', čuvat 'следить, беречь', volim 'любить', rađalo se 'рождаться', počastila 'угостить'

5.2.2.5 Наречия

krajem 'в конце', pravo 'правильно', opće 'вообще', sporo 'медленно', dovol'no 'достаточно',

Также рассматриваются случаи, находящиеся на стыке калькирования и расширения значения существующего слова за счет существования такого значения в языке-доноре (5.2.3).

Среди таких примеров выделяется употребление глагольной формы *znatena* (чеш. «значит, означает») в функции дискурсивного маркера по

аналогии с хорватским *znači* ‘значит’ (от глагола *značiti*), а также расширение значения чешского глагола *hledat* по аналогии с хорватским глаголом *tražiti*, у которого помимо значения ‘искать’ есть также значение ‘требоваться’.

5.3 Имеющийся материал во многом подтвердил выводы исследователей XX в. о том, что в идиомах чехов Боснии и Герцеговины, Сербии и Хорватии **словоизменение** в целом практически не подвержено влиянию сербского и хорватского языков, а заимствованные из языка окружения лексемы по большей части адаптируются к словоизменительной системе чешского языка. Так в склонении существительных женского рода проявляется тенденция к изменению по чешским так называемым «твердым» и «мягким» парадигмам в зависимости от конечного согласного основы (*f trhovin'e*, но *ve kući*). В речи хорватских и боснийских чехов, однако, фиксируются формы *kućou* в твор. п. ед. ч.

5.3.1 – 5.3.2 Заимствованные прилагательные приобретают чешские окончания, в том числе, распределяются по «твердым» (в чешских диалектах у прилагательных, чья основа оканчивается на велярный согласный) и «мягким» (основы на палатальный или бывший когда-то палатальным согласный) типам склонения. Напр.: *f domovinskim rat'e*; *istej, lažnej, vožen'enej, kn'íževnej, talijanskej* – на *talijanskim, za man'inskiho*, но *pol'oprivredn'i, kvalitn'i, putn'i*.

5.3.3 По чешской модели, при помощи суффикса *-ejší*, происходит образование сравнительных форм заимствованных прилагательных.

5.3.4 Наряду с заимствованием наречий в той форме, в какой они функционируют в сербском/хорватском языке (напр. а *rovuda von onako od'važno* ‘и он говорит вот так смело’, *nevípravuje se pravo kn'íževno* ‘не говорят на по-настоящему литературном [языке]’, *obavezno sme hodili do kostela* ‘мы обязательно ходили в церковь’), распространено использование конечного элемента *-e* (*on to dž'elal šecko svojeručn'e* ‘он это делал своими руками’),

который отсутствует в сербском и хорватском языках, а в чешском является смыслоразличительным при наличии пары с конечным элементом *-o*.

5.3.5 Рассматриваются также случаи гибридных заимствований – форм, частично состоящих из элементов языка-реципиента, частично – из языка-донора.

5.3.5.1 Самым частотным примером такого рода в корпусе нарративов является употребление информантами составного союза *zato že* ‘потому что’, ‘так как’, являющегося гибридом чеш. *protože* и сербского/хорватского *zato što*. «Cejt’iš, *zato že* diš posloucháš na televizi, recimo pust’iš šláger českej, tam vid’iš kn’íževna češt’ina» ‘Чувствуешь, потому что когда слушаешь по телевизору, скажем, включишь «Шлагер» чешский, там видишь, литературный чешский’

5.3.5.2 К случаям морфологической гибридной заимствования также относятся примеры заимствования сербских/хорватских словообразующих частиц *bilo* и *-god* со значением, близким чешской частице *-koli(v)*. «Hraji, dneska sme mohli. *Gdigod* či jako mše svatá, *gdigod*» ‘Играют, сегодня и мы могли [играть]. Когда угодно, если служба, когда угодно’

5.3.6 Рассматриваются также такие случаи гибридной заимствования, при которых в полученном слове или словосочетании нельзя четко разграничить части (корень, аффикс и т.д.), принадлежащие чешскому языку, и заимствованные элементы, которые М. Хаспельмат определяет как «формы, которые были вдохновлены концептом иностранного языка, но чья структура не повторяет оборот данного языка». Например, «*Nemisleli kluci, že budou mít tolik jako velkej odeziv, jak to, že se odezve tolik hodn’e d’etex*». ‘Парни не думали, что будут иметь такой большой отклик, что откликнется так много детей’. Формы *odeziv* ‘отклик’ и *odezve se* ‘откликнется’ здесь, «вдохновлены» чешскими лексемами *ozvat se* ‘откликнуться, прозвучать’ (3 л. ед. ч. *ozve se*), *odezva* ‘отклик’ и соответствующими словами из хорватского языка: *odazvati se* (3 л. ед. ч. *odazove se*), *odaziv*. Другой пример таких заимствований – гибридные

формы *snajdeš se* и *snajdete se* (досл. ‘найдешься, найдетесь’ – в значении ‘найти выход из ситуации’), которые «вдохновлены» хорватскими формами будущего времени *snaći ćeš/ćete se*. «*Snajdete se. Trošku rukama, trošku pohama jag žikaji ne*» ‘Договоритесь. Немного руками, немного руками, как говорят’.

5.4 Среди синтаксических явлений в НКР анализируются наиболее характерные явления из корпуса нарративов.

5.4.1 Употребление глагола ‘иметь’ (в формах *ima – nema, ma (má) – nema*) в бытийном значении по аналогии с сербским и хорватским языком. «*tam hledají horvacki, nemá vic českí*» ‘там нужен хорватский, чешского там уже нет’.

5.4.2 Употребление перифрастического отрицательного императива с грамматикализованными формами глагола *moći: nemoj(te)*. Подобная конструкция служит для выражения мягкого запрета или предупреждения, а после элемента *nemoj(te)* в сербском и хорватском языках употребляется инфинитив, либо *da* + презенс. «*sedn'ete nemojte stavat. to je pro vas*» ‘Садитесь, не стойте. Это для вас’

5.4.3 Использование конструкций с *da*. Среди них выделяется группа явлений на стыке лексических заимствований и синтаксиса – кондициональное употребление *da* + презенс глагола на месте чешских форм *aby* и *kdyby* + *l*-причастие. «*to d'elame do dživi da hoži potom i zase korist'i ne*» ‘из этого мы делаем дрова, чтобы оно горело потом и [таким образом] снова использовалось’.

Также выделяются немногочисленные примеры употребления конструкций с *da* + презенс глагола в инфинитивном значении. «*nen'i to dobri da d'ela*» ‘не хорошо это делать’.

5.4.4 У чехов в Сербии и Хорватии были выявлены случаи употребления притяжательных конструкций с родительным падежом и предлогом *od (vod)*. Речь идет о названиях родственников относительно другого члена семьи,

который выступает в таких словосочетаниях в качестве посессора. «*jak se žika vod sina a-a manželka*» ‘Как сказать жена сына?’

5.4.5 Употребление глагола-связки «быть» в форме перфекта 3 л. ед.ч., не фиксирующееся в чешских диалектах, но являющееся нормой для сербского и хорватского языков. «*taj každyj dva tši dni po dvoře je bilo bláto i sn'ix*» ‘здесь каждые два-три дня на дворе была грязь и снег’.

В **шестой** главе делается попытка типологизации дискурсивных стратегий, которыми пользуются члены миноритарного сообщества при возникновении трудностей во время говорения на чешском языке. Рассматривается переключение кодов и метаязыковое комментирование балканскими чехами собственной речи. Большинство метаязыковых комментариев возникает в определенных точках, рядом с лексемами и выражениями, заимствованными из языка доминантного окружения, и является отражением межъязыковых контактов, идентичности говорящих и языковых конфликтов в их сознании.

6.1 Информант обращается за помощью к присутствующим в момент интервью. В ситуации, когда в разговоре участвуют несколько лиц, это может быть обращение к наиболее компетентным, по мнению информанта, носителям языка, а также к исследователю, который ведет разговор на одном языке и незнаком членам общины. «*istraživan'e jak se to řekne u vás*» ‘исследование (хорв.), как это говорят у вас?’

6.2 Указание на этническую, конфессиональную или территориальную принадлежность слова или выражения. «*Ma svi'ječn'ica se u nas to menuje, svi'ječn'ica, to se svički nosijou. <...> Sri'ten'e u-u ukrajinski*» ‘Ну, *sviječnica* у нас это называется, *sviječnica*, тогда свечи носят. Сретение. <...> *Sriten'e* – это по-украински’.

6.3 Констатация незнания конкретного слова или выражения на языке национального меньшинства. Такие высказывания информанты часто сопровождают «оправданиями», говорят, что плохо владеют чешским, что в

общине говорят не на чистом чешском, а на смеси языков и т.п. «*no nevím jag bi to vam vobjasn'ila jag vi to menujete ja to po našem mluvim jak mi mluvíme. ja an'i neumím pravje česki*» ‘Ну, не знаю, как вам это объяснить, как вы это называете. Я по-нашему говорю, как мы говорим. Я даже не говорю на правильном чешском’.

6.4 Стратегия перевода. Говорящие, осознавая принадлежность произнесенного высказывания иному коду, производят автокоррекцию, чтобы последовательно строить нарратив из элементов одного кода. «*diš se vracel spatki tšebal it kamaradovi na rodž'endan na den naroženi vite co to je rodž'endan*» ‘когда он возвращался назад, он должен был пойти к другу на день рождения (серб.), на день рождения, вы знаете, что такое день рождения (серб.)’.

6.5 Цитирования, содержащие переключение кода. Большинство случаев переключения кода при цитировании в собранном корпусе – это переход с языка национального меньшинства на язык доминантного большинства. Речь идет о воспроизведении собственной речи говорящего или речи третьих лиц, произнесенной на языке, отличающемся от языка повествования. «*Ma s- česka pjesma a čekaj dok s-, čekaj dok se sjetim kako... Ma ne, ne bi, ne bi z'nala p'revest.. 'Danas nam je k'rasan dan, k'rasan, krasni den, krasni den, našej Veroniki imenden a to je složenej, a po česki to se ne...*» ‘Да, чешская песня, подожди, сейчас вспомню, как... Нет, не смогу перевести. Сегодня у нас прекрасный день, прекрасный, прекрасный день, у нашей Вероники imenden (серб. «imendan» – именины), это сложно, а по-чешски не...’

6.6 Контроль понимания, при котором информанты обращают внимание исследователя на лексемы/высказывания с целью удостовериться, знакомо ли ему их значение. «*I onda ho svažou na hrabje. Viš co sou hrabje?*» ‘И потом его привязывают к граблям. Ты знаешь, что такое грабли?’

6.7 В некоторых случаях, особенно когда информанты знают, что исследователь владеет не только чешским, но и мажоритарным языком, они маркируют переключение на этот язык, которое необходимо им, чтобы

объяснить то, что вызвало у них затруднение на чешском языке. «svatej václav žikaji že je jako e-e.. *ja to žeknu na xorvacki záštitnik dobitka*» ‘Святой Вацлав, говорят, что он как... я это скажу по-хорватски, защитник (хорв.) скота’.

В **Заключении** приводятся результаты исследования.

Чешское меньшинство с момента его поселения на данных территориях и до сегодняшнего дня проживает не изолированно от этнического большинства и постоянно с ним контактирует. Заимствованная лексика свидетельствует об интенсивных контактах в сфере общественной жизни, при посещении различных учреждений, магазинов, походе к врачу, во время празднования народных и церковных праздников.

В работе впервые анализируются контактные особенности синтаксиса чешских идиомов в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии, как некондициональное употребление *da*-конструкций на месте чешского инфинитива, гибридные структуры отрицательного описательного императива с *nemoj(te)*, употребление бытийных конструкций с глаголом «иметь» (в формах *ima/ma–nema*) в бытийном значении, употребление глагола-связки быть в формах перфекта 3 л. ед. ч.

Впервые предложена классификация дискурсивных стратегий, используемых информантами при возникновении трудностей в связи с подбором нужной лексемы на чешском языке, при контроле понимания сказанного ими в случае общения с человеком, не принадлежащим общине. Проанализированы случаи переключения кода.

Языковую ситуацию у чехов в Боснии и Герцеговине, Сербии, Хорватии в целом можно охарактеризовать как ситуацию билингвизма и диглоссии. Все представители меньшинства обязательно владеют языком окружения вне зависимости от того, какой процент населения города или села, в котором они проживают, составляют чехи.

В Боснии и Герцеговине в силу малочисленности чехов, а также того, что носителями языка являются только представители старшего поколения, на

сегодняшний день можно констатировать тенденцию к сокращению численности носителей чешского языка и, вероятно, предполагать в достаточно близкой перспективе вымирание компактно проживающего меньшинства. В Сербии благодаря наличию в школьной программе предмета «чешский язык с элементами национальной культуры» и в Хорватии, где существуют 2 чешских детских сада, 2 чешские школы и гимназия с чешским отделением, можно констатировать бóльшую витальность чешского языка.

Основные положения НКР отражены в следующих публикациях:

в изданиях, утвержденных по списку ВАК РФ:

1. *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Чешско-сербско-румынские языковые контакты в румынском Банате на материале полевого исследования // Вестник Томского государственного университета. 2020. № 459. С. 15–26.
2. *Борисов С.А.* Чешский язык в полиэтничном окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах, 2021. №1–2. С. 290–309.
3. *Борисов С.А.* Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // Славяноведение, 2021. № 3. С. 64–79.

в других научных изданиях:

4. *Борисов С.А.* Чешский язык в сербском Банате: социолингвистическая ситуация // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21–22 мая 2019 г., М: Институт славяноведения РАН, 2019. С. 172–176.
5. *Борисов С.А.* Секция «Языкознание». Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 21–22 мая 2019 г. // Славянский мир в третьем тысячелетии. М.: Институт славяноведения РАН, 2019. Том 14. №1–2. С. 295–297.
6. *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Полевое исследование среди венгров и чехов в Центральной Хорватии // Zbornik Janković, 2019. IV (4). S. 593–604.
7. *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Јужнословенски филолог. 2020. Књ. 76. Св. 2. С. 127–156.

8. *Борисов С.А.* Языковые и культурные контакты чехов Румынии // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. Отв. редакторы Е.С. Узенёва, О.В. Хаванова. 2020. С. 161-167.
9. *Борисов С.А.* Конференция молодых ученых «Славянский мир: общность и многообразие». 13–14 октября 2020 г. Секция «Языкознание» // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2020. Т. 15. № 3–4. С. 252–255.
10. *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Реті/Ретсі в румынско-сербском окружении: село Златица в Банате (научная статья в сборнике) // Стратегии межбалканской коммуникации: Перевод. Пересказ. Умолчание / Отв. ред. И.А. Седакова, ред. М.М. Макарец, Т.В. Цивьян. М.: Институт славяноведения РАН: Индрик, 2021. (Балканские чтения. 16.). С. 49–53.
11. *Борисов С.А., Пилипенко Г.П.* Чешско-румынские языковые контакты в румынском Банате: (на примере данных полевого исследования) // *Slavica Slovaca*, vol. 56, no. 1. S. 55–68.